

К оценке германской революции 1918 года

«Правда, революция в Германии была буржуазная, а не социалистическая, а советы являлись послушным орудием буржуазного парламента, ибо в советах господствовали социал-демократы, соглашатели вроде русских меньшевиков, чем, собственно, и объясняется ее слабость. До чего слаба была там революция, видно, хотя бы из того, что она допустила безнаказанное убийство немецкими белогвардейцами таких видных революционеров, как Р. Люксембург и К. Либкнехт. Но все же это была революция, Вильгельм был свергнут, рабочие вырвались из цепей, и уже это одно не могло не развязать революцию на Западе, не могло не вызвать подъема революции в европейских странах». «Краткий курс истории ВКП(б)» стр. 221, изд. 1938 г.

В советской исторической литературе глубоко укоренился социал-демократический взгляд на германскую революцию 1918 г. как на революцию пролетарскую, социалистическую. «Краткий курс истории ВКП(б)» под редакцией комиссии ЦК ВКП(б) кладет конец этому ложному взгляду, называя вещи своими именами: «революция в Германии была буржуазная». Чтобы понять буржуазную сущность германской революции необходимо выяснить следующие два вопроса:

1. Какого характера в Германии предстояла революция в результате всего предшествующего развития страны?

2. Как в германской революции разрешался «коренной вопрос всякой революции» — «вопрос о власти в государстве» (Ленин, т. XX стр. 94).

Ленин, говоря о Германии XX в., что она представляла «образец передовой капиталистической страны, которая в смысле организованности капитализма, финансового капитализма, была выше Америки», вместе с тем отмечал, что «она была ниже во многих отношениях, в отношении техники и производства, в политическом отношении» (Ленин, т. XXIV, стр. 135).

В результате поражения буржуазной революции 1848 г. и победы «прусского пути» развития капитализма в сельском хозяйстве, в результате национального воссоединения сверху в Германии победил капитализм с сохранением значительных остатков средневековья. О германском государстве 70-х гг. Маркс писал в «Критике Готской программы», что оно «представляет собою не что иное, как обшитый парламентскими формами, смешанный с феодальными придатками, уже находящийся под влиянием буржуазии, бюрократически сколоченный, полицейски охраняемый военный деспотизм» (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т. XV, стр 284).

Эта характеристика полностью относится также и к Германии XX в. Не только не произошло демократизации государственного строя, а наоборот, усиление юнкерско-буржуазной реакции. Когда в Саксонии рабочий класс стал близок к завоеванию большинства в ландтаге в 90-х гг., то господствующие классы не постеснялись отменить всеобщее избирательное право и ввести цензовую систему выборов. В Пруссии сохранилась реакционная трехклассная избирательная система и реформа местного управления была проведена с расчетом, чтобы «все оставить по-старому»... «Окружные собрания и провинциальные ландтаги все еще составляются по старому феодальному способу из представителей трех сословий — крупных землевладельцев, городов и сельских общин...», — писал Энгельс в 1888 г. «Под измененным названием юнкеры сохранили за собой власть на всех важнейших позициях, а илоты Германии, сельскохозяйственные рабочие названных местностей, — как батраки, так и поденщики, — фактически остались попрежнему крепостными, допущенными к выполнению только двух общественных функций: служить в солдатах и играть роль голосующего стада в пользу юнкеров на выборах в рейхстаг» (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т. XVI, ч. I, стр. 505—506).

Накопец, в одной из последних своих работ, написанной в 1894 г., Энгельс еще раз возвращается к вопросу остатков средневековья в Германии. «Фактически полукрепостное состояние остальбских сельских рабочих есть главная основа господства прусских юнкеров, а вместе с тем и специфического прусского господства в Германии» (К. Маркс и Ф. Энгельс, соч. т. XVI, ч. II, стр. 460).

Остатки средневековья в деревне нашли свое выражение также в сохранении фидеикомиссов, занимавших накануне первой империалистической войны $\frac{1}{5}$ всей обрабатываемой земли (2,5 млн. га). Государственная бюрократия и офицерский состав армии пополнялись юнкерами, привилегированным сословием по средневековой традиции. Кайзер империи пользовался почти абсолютными правами, а в отдельных «государствах» империи оставались короли, герцоги, местные привилегии и т. д.

Следовательно, перед германской революцией стояли задачи демократического характера: свергнуть монархию, уничтожить привилегии юнкерства, освободить крестьян от полукрепостного состояния в Пруссии, демократизировать страну. Значит ли это, что в Германии непременно должна была произойти буржуазно-демократическая революция? Отнюдь нет. Поскольку революция происходила в эпоху империализма и в стране высокоразвитого капитализма, где противоречия между основными классами капиталистического общества с достаточной ясностью обнажены, революция могла быть сразу социалистической, решая попутно задачи буржуазно-демократического характера. С другой стороны, если революция началась как буржуазно-демократическая, то налицо были все объективные условия, чтобы она быстро переросла в революцию социалистическую. «Кто хотел бить по царизму, тот неизбежно замахивался на империализм» (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 5, изд. 10-е). Эти слова товарища Сталина, сказанные о России, еще в значительно большей степени относятся к импери-

алистической Германии. Причиной того, что германская революция остановилась на буржуазном этапе и не переросла в социалистическую, будут, конечно, не объективные условия, не уровень капиталистического развития страны.

Ленин в октябре 1918 г., ожидая революции в Германии, допускал возможность развития ее в двух указанных выше вариантах: «неизбежна народная¹ революция в Германии, а может быть, даже пролетарская революция». (Ленин, т. XXIII, стр. 229). А когда 9 ноября монархия Гогенцоллернов была свергнута и стали обрисовываться перспективы перехода к социалистическому этапу революции, то Ленин говорил, сопоставляя с развитием русской революции от Февраля к Октябрю: «Немецкая революция развивается так, как развивалась и наша, но более ускоренным темпом». (Ленин, т. XXIII, стр. 322—323). Однако, эти радужные перспективы были очень скоро омрачены предательской ролью германской социал-демократии. Шейдемановцы с самого начала повели почти открыто контрреволюционную политику, независимцы делали то же самое в замаскированной форме, а спартаковцы, искренне стремясь совершить социалистическую революцию, не умели этого сделать вследствие груза люксембургских ошибок. Рабочие массы рвались к бою против капиталистического рабства, пролетариат готов был «штормовать небо», но они не знали как это сделать. Эти «знания» преподнесли германским рабочим социал-демократические агенты буржуазии. Другой партии, кроме социал-демократической, пролетариат Германии не имел. Спартаковцы представляли лишь кружок пропагандистов, идейное направление в составе независимой социал-демократической партии. Они проявляли полный нигилизм в организационных вопросах, возлагая все надежды на стихийное движение. «Союз «Спартак» никогда иначе не возьмет государственную власть, как посредством ясной, недвусмысленной воли огромного большинства пролетарской массы во всей Германии... Пролетарская революция может... довести себя до полной ясности и зрелости лишь ступенеобразно. Победа союза «Спартак» не в начале, а в конце революции», — так гласила программа спартаковцев. А пока спартаковцы ждали «недвусмысленной воли огромного большинства» и готовились к победе «в конце революции», не имея собственной партийной организации до начала 1919 г., в это время шейдемановцы при поддержке независимцев действовали, пуская в ход всю организационную мощь своего партийного аппарата. Правые социал-демократы приняли от буржуазии в свои руки государственную власть, они захватили руководство рабочими и солдатскими советами, они, эти агенты буржуазии, возглавили революцию, дали ей желательное для буржуазии направление. В этом со всей силой сказались результаты люксембургских ошибок спартаковцев в организационном вопросе. «Ленин показал, что воспевать стихийный процесс рабочего движения и отрицать руководящую роль партии... значит предавать рабочий класс». («Краткий курс истории ВКП(б)», стр. 36).

К началу 1919 г. спартаковцы организовали коммунистическую

¹ Под народной революцией понимается революция буржуазно-демократическая — А. П.

партию. Несмотря на это, возглавить революцию молодая компартия не смогла. Два обстоятельства этому помешали: во-первых, то, что социал-демократы достаточно укрепили уже к этому времени власть буржуазии; во-вторых (и это главное) то, что компартия вначале, не будучи еще вполне большевистской, продолжала в своей практике спартаковскую традицию.

В качестве примера организационной беспомощности молодой компартии можно взять январское восстание 1919 г. против социал-демократического правительства Эберта-Шейдемана, спровоцированное самими же социал-демократами. Был создан ревком по руководству восстанием, куда вошли коммунисты вместе с независимыми социал-демократами. Независимцы в ревкоме совещались и бездействовали, а коммунисты не нашли лучшей тактики, как оставаться в этом бездействующем ревкоме почти до конца восстания (до 10 января). Позже, орган компартии «Роте Фане» ядовито писал о дне 6 января:

«То что произошло в Берлине в понедельник, явилось, быть может, самым крупным, совершенным пролетарскими массами актом, когда-либо виденным историей... Пролетарии вплотную стояли один возле другого, сплошной массой... Они принесли с собой свое оружие, их красные знамена развевались. Они были готовы сделать все, отдать все, даже свою жизнь. Это была армия в 200.000 человек, какой никогда не видел ни один Людендорф.

«Но тут случилось нечто невероятное. Массы стояли с 9 часов утра. Было холодно и туманно. Вожди же ее сидели и совещались. Туман рассеялся, массы продолжали стоять, вожди же продолжали совещаться. Наступило время обеда. Сделалось холодно и голодно. Вожди все продолжали совещаться. Массы лихорадили от возбуждения — они жаждали сделать что-нибудь, услышать из уст вождей своих хоть слово, которое успокоило бы их возбуждение. Но никто не знал этого слова, так как вожди продолжали совещаться. Стало опять туманно, и наступили сумерки. Печально начали массы расходиться по домам: они хотели совершить что-то великое и ничего не сделали, так как... вожди все еще совещались».

И «кровавая собака» Носке, социал-демократический военный министр, организовавший белогвардейские банды для подавления рабочих восстаний, расстрелявший руками своих бандитов лучших вождей рабочего класса Германии — Розу Люксембург и Карла Либкнехта, с издевательским довольством писал в «Записках о Германской революции», которые лучше было бы назвать «Записки о германской контрреволюции»:

«Если бы эти толпы имели решительных и дельных вождей, а не болтунов, они уже утром этого дня могли бы овладеть Берлином» (стр. 57).

Какую политику проводило правительство Эберта-Шейдемана-Носке, называвшее себя социалистическим?

Вместо того, чтобы установить диктатуру пролетариата в форме советов, правые социал-демократы выдвинули лозунг созыва национального учредительного собрания, ибо диктатура пролетариата

противоречит «демократическим принципам». Независимцы их поддержали, обманывая рабочих, что будто бы можно сочетать одновременно власть советов рабочих и солдатских депутатов (о крестьянских советах и не говорилось) с властью буржуазного парламента. Социал-демократам удалось превратить германские советы в послушное орудие реакции. На всегерманском съезде советов в декабре 1918 г. шейдемановцы провели решение о ликвидации советской системы и о передаче всей полноты власти Национальному собранию, т. е. буржуазному парламента. «Советы являются величайшим завоеванием нашей революции—говорил товарищ Сталин в докладе «О работе в деревне». Но... советы представляют лишь форму организации, за которой может скрываться и контрреволюция. «Так было дело в Германии в конце 1918 г., когда советами руководили социал-демократы и когда они прикрывали контрреволюцию против революции». (Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 519, изд 10-е). Пролетариат, чтобы победить в революции, должен сломать, уничтожить старый аппарат буржуазного государства и создать государство новое, пролетарское. А социал-демократы оставили не только низовой аппарат юнкерско-буржуазного государства в неприкосновенности, но и в центральном аппарате осталось все по-старому, вплоть до оставления кайзеровских министров на прежних должностях под видом специалистов.

Пролетариат, придя к власти, должен создать рабоче-крестьянскую Красную Армию для защиты социалистического отечества. А социал-демократы, придя к власти, сохранили старую армию, особенно командный состав, состоявший сплошь из контрреволюционного юнкерства, ибо только такая армия могла быть использована для разгрома рабочего класса. И в ответ на попытки рабочих создать красную гвардию, исполком шейдемановских советов выпустил воззвание: «образование красной гвардии пока приостанавливается» («Десять лет социал-демократии», стр. 29). Это «пока» пережило власть социалдемократов.

Победивший пролетариат экспроприрует буржуазию и помещиков, заводы и земля переходят в собственность социалистического государства, общества тружеников. А социал-демократы, приняв власть от буржуазии, первым делом позаботились, чтобы сохранить нетронутым принцип частной собственности. «Правительство будет сохранять беспрепятственность производства, защищать собственность от посягательств частных лиц»...—гласило правительственное воззвание на четвертый день революции (12 ноября) (Барт, В мастерской революции, стр. 87—88). Но рабочие знают, что в Советской России большевики строят социализм, они требуют, чтобы и в Германии проводилась такая же политика. И вот шейдемановское «социалистическое» правительство создает «Комиссию по социализации», тайну которой выболтал один из ее членов: «чтобы успокоить дикую толпу, ей надо было сказать «волшебное слово».

Пролетариат, победивший буржуазию в собственной стране, обязан оказать посильную помощь пролетариату других стран во имя общего дела — мировой пролетарской революции. А германские социал-демократы, вместо этого саботировали даже восстановление дипломатических отношений с Советской Россией и подписали с Антантой позорный версальский мир, наложивший тяжелое ярмо на германский народ.

Так был решен германскими социал-демократами, возглавлявшими революцию, основной вопрос революции — «вопрос о власти в государстве». Дело не меняется от того, что движущей силой революции был рабочий класс. Без рабочих, без народных масс вообще не было революций. Однако в буржуазных революциях движение народных масс использует буржуазия в своих классовых интересах. В социалистической же революции революционная партия рабочего класса ведет рабочих и крестьян к установлению диктатуры пролетариата.

Германская революция была буржуазно-демократической, она лишь свергла режим полуфеодальной монархии. Этому не противоречит то, что в «Кратком курсе истории ВКП(б)» германская революция названа буржуазной, потому что буржуазно-демократическая революция есть лишь разновидность буржуазной революции вообще. Но даже задачи буржуазно-демократического характера разрешены были революцией половинчато, непоследовательно. Реакционной буржуазии выгодно опираться на остатки средневековья, особенно в эпоху империализма, в борьбе против рабочего класса. Незатронутыми остались аграрные отношения между крестьянством и юнкерами. Социал-демократическое правительство «забыло» даже национализировать дворцы и имения царствовавших династий. Осталось господство юнкерства в армии, в государственном аппарате и т. д.

Революция завершилась Веймарским собранием, принявшим республиканскую конституцию, по которой президент получил право распускать рейхстаг и задерживать законы, принятые рейхстагом. § 48 «демократической» конституции предоставил право президенту отменять «гарантированные» конституцией гражданские права населения, издавать чрезвычайные декреты и вводить чрезвычайное положение.

Как могло случиться, что в такой передовой капиталистической стране, как Германия, буржуазно-демократическая революция не только не переросла в социалистическую, но даже не разрешила последовательно демократических задач?

Главная причина заключалась в отсутствии «действительно революционной партии у немецких рабочих ко времени кризиса... вследствие опоздания с расколом, вследствие гнета проклятой традиции «единства» с продажной (Шейдеманы, Легины, Давиды и Ко) и бесхарактерной (Каутские, Гильфердинги и Ко) бандой лакеев капитала». (Ленин, т. XXVI, стр. 485—486). Немецкий пролетариат во время революции оказался без вождя—революционной партии. Вследствие этого он не смог дифференцироваться от буржуазии и пошел за социал-демократическим руководством. Более опытная, чем русская, германская буржуазия «не делала социалистическому правительству на первых порах никаких затруднений... она была счастлива, что во главе правительства стоят и держат в своих руках бразды правления люди с известными именами, могущие влиять на массы». (Носке, Записки, стр. 46).

Еще бы буржуазии не быть довольной господами Шейдеманами и Носке! Но опыт учит. Он научил многому и германских рабочих.